

НА ПЕРВОМ БЕЛОРУССКОМ ФРОНТЕ.

Из воспоминаний о войне Веры Сергеевны Харченко (Манзон), уроженки города Горького, бойца 289-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона.

[После службы в Горьковской области] Наш эшелон мчится в Белоруссию. Мы все сгрудились у маленького окошка теплушки на верхних нарах. Все вокруг разрушено. Вместо деревень стоят одни трубы от печек. Людей не видно. Подъезжаем к станции Калинковичи – большой железнодорожный узел. Увидели виселицу с повешенными партизанами. Если до этого мы пели в вагонах-теплушках, то тут все замолчали, не могли даже разговаривать. Мы увидели, как по нашей земле прошли фашисты, пожгли дома. Сердце колоколом колотилось.

Через реку Припять был взорван мост, и мы ехали очень медленно по мосту, наведенному саперами. Калинковичи тогда уже были освобождены, а немцев отогнали от этого города, но они все время летали и бомбили, обстреливали нас с самолетов и из пушек со своих позиций. Это была прифронтовая зона. Наша пулеметная рота была на том же берегу, где штаб нашего 289-го ОЗАДа (отдельного зенитного артиллерийского дивизиона) и батарея МЗА (мелкозенитная артиллерия). А наши батареи с крупнокалиберными пушками, дальномерами и приборами ПУАЗО (прибор управления артиллерийским зенитным огнем) – на другом берегу Припяти, недалеко от города Мозыря. Тут уж каждую ночь – тревоги и прилетают немецкие самолеты в одно и то же время бомбить станцию. Мы сбили только один самолет, и то был спор – кто сбил.

Однажды немцы прорвались и разбомбили эшелон с лошадьми (он стоял на запасных путях). Смотреть на то, как горели лошади, было жутко. Разбомбили и батарею МЗА нашего дивизиона, погибли почти все. Тяжело раненые девочки в госпитале, кто без ног, кто без рук, просили их пристрелить. Это мне рассказывала моя подруга Леля, которая ездила в штаб корпуса в Гомель и заходила в госпиталь. У нас погиб один расчет, пять человек. К своему стыду, я не запомнила все фамилии погибших, хотя сама писала письма родным о их гибели, потому что была старшиной роты, и сама же надписывала чернильным карандашом фанерную табличку для могилы. Помню, что командиром расчета был Иван Кириллов, пулеметчица – Катя Беленкова. Из чего-то, кое-как, сколотили гробы. Даже не помню, были ли это гробы для каждого из погибших, или пришлось собирать останки. Хоронить везли на машине, открытой полуторке. Мы сидели в кузове рядом с этими гробами. Ехали в районе Калинковичей по дороге к кладбищу, вдруг над головой показался самолет, Мессершмитт, их называли тогда "мессерами". Мы повыскакивали с машины, рассыпались по кустам, по канавам, пытались спрятаться. А немецкий летчик пикировал на эту машину и расстреливал наших девочек еще раз.

...Когда через сорок лет мы, ветераны войны, приехали на встречу в Белоруссию, договорившись с местными организациями, то мы пошли строем, в окружении местных

жителей, на кладбище, где, как нам сказали, установлен памятник. И, к нашему удивлению, мы увидели на памятнике имена наших девочек. Значит, чьи-то добрые руки сохранили эту фанерную дощечку и не дали пропасть именам, переписали их.

Во время этой поездки в Белоруссию принимали нас очень тепло. Даже младшие школьники, с которыми у нас были встречи в школе, даря свои поделки, разговаривали с нами с настоящим чувством, не заученными словами.

Шли мы по городу, пытались найти те места, где были наши пулеметные точки, а нас окружали люди, угощали конфетами, много спрашивали нас о том времени, о боях, слушали наши рассказы. А мы им рассказывали, как каждый вечер, перед тем, как в определенное время прилетали немецкие самолеты, все оставшиеся жители Калинковичей уходили в лес, крестили нас на прощание, говорили: "Дай бог, чтобы вы остались живы". Однажды в толпе, собравшейся вокруг нас, мужчина лет пятидесяти спросил нас: "Не узнаете меня?". Нам он показался совершенно незнакомым. И он нам напомнил: "Я ведь тут вокруг ваших позиций пацаном все время бегал. Тут такие лампионы висели, ночь была как день (это он говорил об осветительных ракетах на парашютах, которые "навешивали" немцы, чтобы освещать станцию и наши позиции для обстрела). Сыпались бомбы, гром стоял от стрельбы и взрывов, такая была жуть! Я был тогда мальчишкой, все помню. А теперь, когда я рассказываю, что тут стреляли девчата, мне не верят". Он рассказал и то, как помогал нам делать эти гробы, когда девочек поубивало. Оказалось, что и он это запомнил на всю жизнь.

Да, земля ходила ходуном под ногами, качалась, как качели. А по утрам мы считали новые воронки, в которых, кстати, мы утром брали воду для приготовления еды, потом здесь же умывались, потом стирали, потом мыли посуду, чистили котел и что удивительно – никто не болел.

Помню, как я получила контузию. Меня подбросило, чем-то ударило по голове и засыпало. Девочки откопали меня. Очнулась – ничего не слышу. И несколько дней ничего не могла говорить. Это была контузия. Отлеживалась я в доме у Василия Самойловича и его жены, жителей Калинковичей. Фамилию не помню. Оба сына их были на фронте, и ко мне они относились очень бережно. Предлагали даже: "Оставайся, Вера, у нас. У нас такие хорошие сыновья, выйдешь за одного из них".

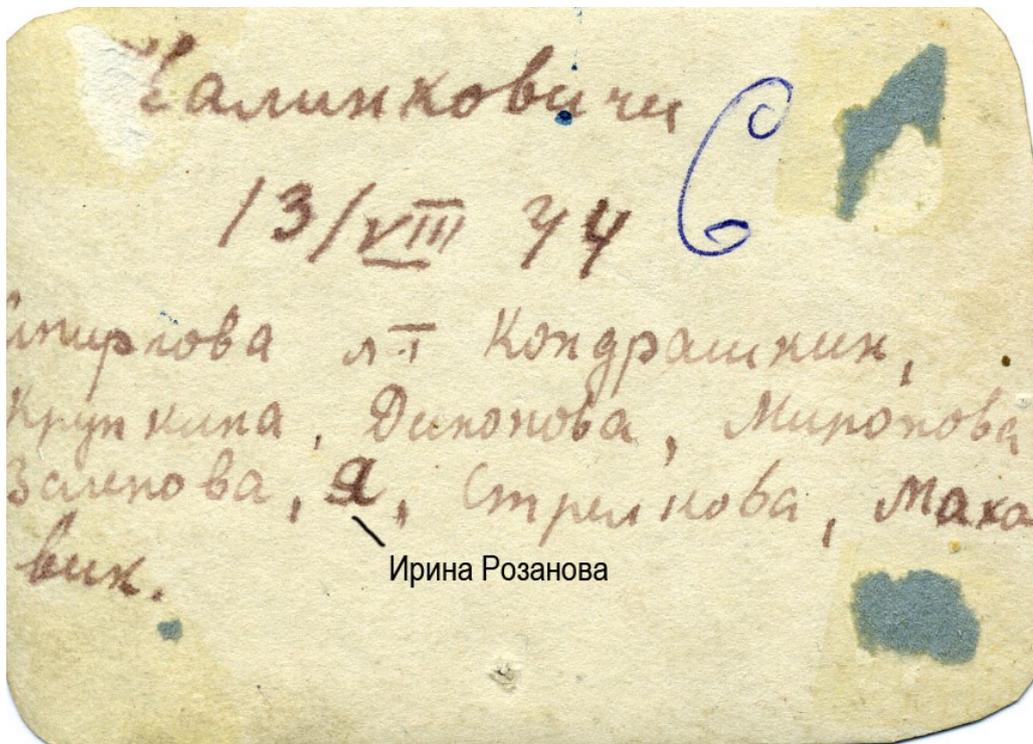
Фотографии к тексту:

13 августа 1944 г. Калинковичи (Белоруссия). Бойцы и командиры 289-го ОЗАД.

1 ряд, слева направо: Смирнова, лейт. Кондрашкин, Крупкина

2 ряд, слева направо: Дипонова(?), Миронова, Роза Зеленова, Ирина Розанова, Стрелкова, Маховик

Оборот этой же фотографии ("я" относится к Ирине Розановой)

14 августа 1944 г. Калинковичи (Белоруссия). 289-й ОЗАД. Вера Харченко и Ирина Розанова. Подруги на всю жизнь

1984 год. Калинковичи (Белоруссия). У могилы боевых подруг из 289-го ОЗАД. Слева Вера Сергеевна Харченко (Манзон).

8 мая 1985 года. Встреча ветеранов 289 ОЗАД. Мозырь (Белоруссия)

1 ряд, в середине - Ирина Розанова

2 ряд, справа - Вера Харченко (Манзон)

2 ряд, слева - Павла Орендович

3 ряд, крайняя справа - Лидия (?)